

Владислав Сисаури

Признавая неоспоримые достоинства Сергея Тимофеевича Аксакова, как великолепного знатока русского языка и создателя прославленных описаний природы, критика отмечала его удаленность от главных тем русской литературы его времени, присущие ему консерватизм, реакционность политических воззрений.¹ В истории русской литературы Аксаков остается автором воспоминаний, поэтически воссоздающим мир патриархальной старины. Он противостоит современным ему И. Тургеневу и И. Гончарову, ставившим в своих произведениях злободневные проблемы. Автобиографический характер аксаковских произведений определил его место в кругу мемуаристов. Действие его наиболее известных произведений “Семейная хроника” (1856) и “Детские годы Багрова-внука” (1857) разворачивается в провинции, далеко от столицы, на границе с Азией. Автор монографии об Аксакове, С. Машинский, пишет о созданной писателем картине патриархально-помещичьего быта “с привычным для него полусонным ритмом жизни”² и об образе “патриархально-поместной Руси” с ее “застойным бытом” и “заскорузлыми правами”.³ На основании таких оценок можно вообразить, что Аксаков в своих произведениях всего лишь поэтически воссоздал жизнь, подобную существованию в Обломовке, нарисованному в романе Гончарова.

Однако творчество Аксакова не было оторвано от развития современной ему литературы. Он действительно во многом отличался от Тургенева и Гончарова, но противопоставление это носило миро-

¹ С. Машинский, С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, Москва, Художественная литература, 1961, с. 6-8.

² Там же, с. 354.

³ Там же, с. 355.

воззренческий характер. Отличие Аксакова от большинства прозаиков XIX в. заключается в том, что он был одним из редких писателей, принимающих жизнь такой, как она есть, и не ставящих себе задачей ее изменение.⁴ В вопросе понимания исторической судьбы России и самоценности русской жизни это качество неизбежно принимало партийную окраску. Аксаков противостоял западникам и разделял взгляды славянофилов. А. Григорьев писал об оппозиции двух идеологических течений: "Славянофильство верило слепо, фанатически в неведомую ему самому сущность народной жизни, и вера вменена ему в заслугу. Западничество шло против течения: оно не признало и не хотело признать явлений жизни; оно упорно отрицало в литературе и быту народном то, что на глазах всех и каждого или выросло, или раскрылось могучего и крепкого в последние десятилетия".⁵ Сам Аксаков в своем творчестве стремился избежать всякой предвзятости. Он писал о себе как о "человеке, не принадлежавшем ни к одной из партий, разделяющих на разные приходы нашу отечественную словесность".⁶

Насколько ему удавалось в своих произведениях оставаться вне идеологической борьбы? В 40-х гг. московский дом Аксакова стал центром славянофильства. Сыновья его, Константин и Иван, были одними из самых видных представителей этого течения. Был ли сам Аксаков славянофилом? В своей монографии С.Машинский посвящает отдельную главу этому вопросу, стараясь отмежевать писателя от его окружения.⁷ Но даже если Аксаков и не был активным деятелем славянофильства, как его сыновья, он, безусловно, был близок им по своим убеждениям.

Другое отличие от Тургенева и Гончарова заключается в том, что Аксаков не стремился к созданию типов. О подходе двух названных

⁴ На это положение указывал А. С. Хомяков: "[Аксаков] первый из наших литераторов взглянул на нашу жизнь с положительной, а не с отрицательной точки зрения" (А. С. Хомяков, О старом и новом, Москва, Современник, 1989, с. 413). А. Хомяков ссылается при этом на статью Н. П. Гилярова-Платонова, опубликованную в "Русской беседе" 1856, № 1.

⁵ А. Григорьев. Эстетика и критика. Москва, Искусство, 1980, с.170.

⁶ С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в 4-х томах. Москва, Худ. литература, 1955-1956, том 3, с. 517 (далее ссылки на это издание вынесены в текст).

⁷ С. Машинский. С. Т. Аксаков, с. 191-229. Нельзя, однако, забывать, что во время публикации труда С. Машинского отношение к славянофилам в СССР было отрицательным, что не могло не сказаться на оценках исследователя.

писателей к форме творчества писал кн. Н. С. Трубецкой: "Роман, как его пестовали Тургенев и Гончаров, представлял целый ряд необходимых черт. Герой и некоторые другие лица являются "типичными" представителями какого-нибудь общественного явления. В центре должны стоять герой и героиня, должны быть завязка и развязка".⁸ Это отличие не лежит в области только композиционных приемов писателей. Стремление к созданию типов приводило зачастую к схематизму, к нарочитому иллюстрированию идеологического тезиса. Менее всего Аксаков стремился к этому. В его произведениях мы не находим персонажей, являющихся носителями идей славянофильства. Но поскольку в них нет и идеологически противоположных им фигур, которые проповедовали бы принципы какого-то лучшего существования, то сама русская жизнь у Аксакова не уничтожается.

По семейным преданиям Аксаковы вели происхождение от приехавшего в Киев в 1027 г. варяга Шимона Африкановича, племянника норвежского когуна Хакона Слепого.⁹ В самом начале "Семейной хроники" говорится о древности рода героев Аксакова:

...древность дворянского происхождения была коньком моего дедушки, и хотя у него было сто восемьдесят душ крестьян, но, производя свой род, Бог знает по каким документам, от какого-то варяжского князя, он ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов. Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин (1, 77-78).

В этих строках можно усмотреть налет иронии. Однако в отношении Аксакова к смешанным бракам у тех, кто отстаивал русские традиции, проявляется некоторый ригоризм, присущий его дедушке. В "Воспоминании об Александре Семеновиче Шишкове" (1856) он признается, что при всем его преклонении перед Шишковым его смущало, что жена Шихова – голландка и лютеранка (2, 277, 279).

В оценке исторического развития России Аксаков стоял на позициях славянофилов, а не западников. В том же "Воспоминании об

⁸ Н. С. Трубецкой, История. Культура. Язык. Москва, "Прогресс", 1995, с. 728.

⁹ Н. Яновский-Максимов. Последние годы Багрова-внука. С. Т. Аксаков в Абрамцеве. Москва, Детская литература, 1966, с. 17. Древность рода Аксаковых исторически не подтверждается. См. Е. И. Анненкова, Аксаковы, СПб. Наука, 1998, с. 21.

Алекса́ндре Семеновиче Шишкове” он так говорит о славянофильстве 10-х годов (время знакомства с Шишковым) и 50-х годов (время написания произведения):

И тогдашнее и теперешнее так называемое славянофильство было и есть не что иное, как русское направление, откуда уже естественно вытекает любовь к славянам и участие к их несчастному положению (2, 270).

Аксаков указывает, что славянофильство Шишкова ограничивалось «литературными и внешними условиями», и упрекает его в отсутствии верного подхода к русской истории. «Шишков и его последователи горячо восставали против нововведений тогдашнего времени, а все введенное прежде, от реформы Петра I до появления Карамзина, признавали русским и самих себя считали русскими людьми, нисколько не чувствуя и не понимая, что они сами были иностранцы, чуждые народу, ничего не понимающие в его русской жизни. Даже не было мысли оглянуться на самих себя. Век Екатерины, перед которым они благоговели, считался у них не только русским, но даже русской стариною» (2, 271). Эта критика в адрес Шишкова и славянофилов 10-х гг. ясно свидетельствует об убеждениях самого Аксакова, которые проявились, в частности, в его неприязни к Петербургу. В «Отрывке из семейной хроники» (1847) он пишет: «Я всегда не любил этот не русский город» (2, 414-415).

Заметим, что Аксаков является редким русским писателем, который в своих произведениях совершенно не упоминает об Европе, — исключая, конечно, перечисления тех или иных городов, где жил, например, Гоголь («История моего знакомства с Гоголем», 1855). Европа не представлена в его произведениях ни как оппозиция и модель для развития России, как у западников, ни как «кладбище, но самое, самое дорогое кладбище», как у Достоевского.¹⁰

И наконец, об убеждениях Аксакова свидетельствует и его обращение в наиболее значительных произведениях к истории своей семьи, т. к. «семейное начало», по словам А. Григорьева, являлось «альфой и омегой нравственной пропаганды славянофилов».¹¹

¹⁰ Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений в 10-ти томах. Москва, Художественная литература, 1958, том 9, с. 289.

¹¹ А. Григорьев, Эстетика и критика, с. 214.

Мировоззренческая позиция Аксакова объясняет его подход к художественному изображению русского общества. Затерянное на границе Европы и Азии, в его произведениях оно оказывается весьма динамичным, здесь люди служат, занимаются хозяйством, ездят в столицу, Москву, Казань, колют из конца в конец по обширной Оренбургской губернии. Его герои волевые и слабовольные, умные и недалекие, но среди них мы не находим "лишних людей".

Одной из самых замечательных фигур, созданных писателем, является Степан Михайлович Багров, "мой дедушка". На нем лежит отблеск скатерининской эпохи, которая в русской литературе породила миф о великом деятеле, воплощенном в героях од Державина, "седых орлах Екатерины" в стихотворении Пушкина "Мордвинову" (или в его "Воспоминаниях в Царском селе" 1829 г.) или знаменитом скатеринском вельможе графе Кирилле Владимировиче Безухове в "Войне и мире" Л.Толстого.

С первой же строки "Семейной хроники" перед читателем возникает образ человека неусмысленных сил: "Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии" — пожалуй, самый энергичный зачин в русской литературе.

Аксаков рисует привлекательный портрет своего героя: он "был не только среднего, но даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкие плечи, жилистые руки, каменное, мускулистое тело обличали в нем силача (...) Правильные черты лица, прекрасные большие темноглубые глаза, легко загоравшиеся гневом, но тихие и кроткие в часы душевного спокойствия, густые брови, приятный рот, все это вместе придавало самое открытое и честное выражение его лицу" (1, 76). Столь же привлекателен и его душевный склад, — о его честности, прямоте, справедливости Аксаков говорит не раз. "Не было человека, кто бы ему не верил; его слово, его обещание было крепче и святее всяких духовных и гражданских актов. Природный ум его был здрав и светел". (1, 76)

Багров — храбрый офицер и прекрасный хозяин. О его военной карьере автор говорит кратко, но упоминание это очень знаменательно.

О служебном поприще Степана Михайловича я мало знаю; слышал только, что он бывал часто употребляем для поимки всяческих разбойников и что всегда оказывал благоразумную распорядительность и безумную храбрость в исполнении своих распоряжений, что разбойники знали его в лицо и боялись, как огня (1, 77).

О его умении вести хозяйство Аксаков говорит неоднократно. После выхода в отставку, живя в Багрове, он сделался отличным хозяином (1, 77), а переселившись в Оренбургскую губернию, повел свое хозяйство так, что через несколько лет значительно увеличил его.

Багров оставил о себе добрую память. Крестьяне и даже дворовые люди, которым часто приходилось терпеть вспышки его гнева, любили его, и через много лет после смерти Багрова состарившиеся слуги не могли без слез вспомнить строгого, но справедливого и доброго барина (1, 89-90).

Аксаков отмечает, однако, и склонность к страшному гневу в своем герое, к вспышкам гнева, "которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным на эту пору к жестоким, отвратительным поступкам" (1, 90). В условиях той эпохи склонность к гневу в людях, подобных Багрову, не могла быть исправлена ни образованием, ни условиями жизни. Дедушка не получил образования, что было по тем временам скорее нормой. "Разумеется, при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо", — пишет Аксаков (1, 76). Кроме того, он жил в далекой от города деревне, в окружении только своей семьи, где никто не мог противостоять его "жестокому самоуправству" (1, 113). Самовластие Багрова привело к тому, что домашние, не осмеливаясь противостоять ему открыто, пускались на разные ухищрения, чтобы его обмануть, и часто в этом преуспевали.

Сын Степана Михайловича, Алексей, унаследовал от него прямой характер, но дочери отличались от отца. "Обе были очень не глупы, Александра же соединяла с хитрым умом отцовскую живость и вспыльчивость, но добрых качеств его не имела" (1, 95). Все это привело, в частности, к очень сложной семейной ситуации после женитьбы Алексея: сестры с самого начала противились этому браку и не брезговали ничем, чтобы очернить невестку в глазах отца, всячески стараясь вредить ей.

В начале "Семейной хроники" может показаться, что писатель относится к своему герою предвзято и старается несколько идеализировать его, но в дальнейшем повествовании мы видим противоречивость характера Багрова и печальные последствия проявлений его воли. "Ведь надобно было насильственно закрыть себе глаза, чтобы не видеть, какую тину каверз, рабства, лжи, сплетен развел около себя

величавый, по душе возвышенный, действительно, и сам по себе поэтический старик Степан Михайлович Багров" — пишет А. Григорьев.¹²

К своим крестьянам Багров был справедлив, но иногда и с ними проявлял себя деспотом, которому никто не мог препятствовать. Узнав о беременности невестки, Степан Михайлович решил на радостях выдать замуж свою любимую чайницу и кофейницу Аксютку, которая была очень дурна лицом, а кроме того отвратительно неопрятна и зла, за своего крепостного Ивана Малыша, молодого красавца, десятью годами младшего Аксютки. Конечно, супружеская жизнь их не была счастлива, и Аксаков, описывая их постоянные ссоры, не может удержаться от упрека своему герою: "Погрешил Степан Михайлович и сделал он чужое горе из своей радости" (1, 244).

Более противоречивым и сложным является образ Михаила Максимовича Куролесова, героя второго отрывка "Семейной хроники". Здесь опять перед нами предстанет человек необычайно деловитый и энергичный. Михаил Максимович служил в армии, был родней Суворову, чьи письма к Куролесову сохранились (1, 104), и дослужился до чина майора. "Разумеется, он не имел настоящего образования, но был боек на словах и писал также бойко и складно. Я имел на руках много его писем, из которых очевидно, что он был человек толковый, ловкий и в то же время твердый и деловой" — повествует автор (1, 104).

Куролесов женился на Прасковье Ивановне Багровой, двоюродной сестре Степана Михайловича, имея в виду ее богатство. Он сразу же начал вести хозяйство и проявил себя отличным хозяином: "В следующие два года Куролесов наделал чудес по устройству имения жены своей, что неоспоримо доказывало его неусыпную деятельность, предприимчивость и железную волю в исполнении своих предприятий" (1, 115).

Аксаков упоминает об его уме несколько раз. "Невольному уважению, которое внушал всем Михайла Максимович своим диковиным хозяйством, своим умением жить богато и разумной твердостью своих поступков" (1, 118). Кроме того, "первые года, занимаясь устройством женских имений, можно сказать, с самозабвением, он мог назваться самым умным, деятельным и попечительным хозяином" (1, 120). Благодаря этим качествам он спускал общее уважение: "авторитет Михайла

¹² А. Григорьев, Искусство и нравственность, Москва, Современник, 1986, с. 274.

Максимовича в общественном мнении рос не по дням, а по часам" (1, 117). К тому же это был человек, умеющий вести себя в обществе и расположить к себе. "Он был искателен, умел приласкаться и приласкать, оказывал уважение старшим и почетным людям" (1, 104).

Но с этими качествами Куролесов сочетал поистине страшные черты характера. В самом начале рассказа о нем Аксаков упоминает о чем-то неусловимом в его личности, что могло вызвать неприязнь: "он был, как говорится, молодец собой. Многие называли его даже красавцем, но иные говорили, что он, несмотря на свою красоту, был как-то неприятен" (1, 103). В нем жил зверь, который в конце концов пробудился. Еще во время его службы в армии носились слухи, "что майор большой гуляка, то есть охотник до женского пола и до хмельного, но знает всему место и время" (1, 104). Когда же он вышел в отставку и занялся хозяйством, зачатки его жестокости развились необычайно быстро.

Стали распространяться и усиливаться слухи, что майор не только строгонек, но и жесток (...), в пьяном виде немилосердно дерется без всякого резону и что уже два-три человека пошли на тот свет от его побой, что исправник и судьи обоих уездов, где находились его новые деревни, все на его стороне, что одних он задарил, других запоил, а всех запугал, что мелкие чиновники и дворяне перед ним дрожкой дрожат (...) Кровожадная натура Куролесова развивалась на свободе во всей своей полноте и представила одно из тех страшных явлений, от которых содрогается и которыми гнушается человечество. Это ужасное соединение инстинкта тигра и разумности человека (1, 117-118).

Жертвами Куролесова были, в первую очередь, его крестьяне и особенно дворовые люди (1, 123) Но от него страдало и мелкое дворянство, его соседи, над которыми он не только глумился и издевался, но которых и нещадно грабил. В конце концов природная жестокость Куролесова обратилась в лютость, кровопийство (1, 123).

Было бы неправильно видеть в этом персонаже только жестокого помещика, издевающегося над своими крепостными: рачительный хозяин, он старался не подвергать своих крестьян истязаниям и даже прощал некоторые их поступки. Куролесов не стеснял себя и в отношении своих соседей-дворян и чиновников. Справедливее признать, что характер его сложился в армии, где присущие ему деловые качества привели к быстрому возвышению, дав ему практически неограниченную власть над подчиненными.

В русской литературе есть образ, очень близкий Куролесову, это Кирила Петрович Троскуров из "Дубровского" Пушкина. Дослу жившийся в армии до высокого чина (генерала аншефа), он вышел в отставку и ничем не сдерживал себя, живя в своем поместье. Троскуров не доходил до таких пределов садизма, о которых рассказывает Аксаков. Но многое роднит его с Куролесовым в отношении к своим соседям и чиновникам.

В конце концов жена Куролесова узнала о его зверствах и пришла в деревню, где он пировал. Куролесов, видя ее возмущение и твердость, избил ее, посадил в подвал и потребовал дарственную на все ее имения, кроме одной деревни. Об этом узнал Багров и явился спасать свою двоюродную сестру. Багрову Куролесов противостоять не мог. Он видел в окно как Багров увозит Парашу, но не вышел из дому.

Конец Куролесова был трагичен: он был отравлен. С. Машинский пишет, что крестьяне, "не выдержав издевательств, в конце концов убили своего барина".¹³ Его формулировка намекает на возмущение крепостных Куролесова, которые совершили правый суд над своим господином. У Аксакова же дело обстоит несколько другим образом. Куролесова отравили "двое из негодяев, из числа самых приближенных к барину и — что всего замечательнее — менее других терпевшие от его жестокости" (1, 136).

Необходимо отметить замечательный эпилог истории Куролесова. Все его злодеяния не могли искоренить в душе его жены любви к нему. Прасковья Ивановна настолько была поражена известием о его смерти, что пришла в совершенное отчаяние и заболела: "я любила его четырнадцать лет и не могла разлюбить в один месяц, хотя узнала, какого страшного человека я любила; а главное, я сокрушалась об его душе: он так умер, что не успел покаяться" (1, 135).

Были и объективные причины помнить Куролесова добром. В заключение истории Аксаков пишет: "Не могу умолчать, что лет через сорок, сделавшись владельцем Парашина, внук Степана Михайловича нашел в крестьянах свежую, благодарную память об управлении Михаила Максимовича, потому что чувствовали постоянную пользу многих его учреждений; забыли его жестокость, от которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умение отличать правого от

¹³ С. Машинский, С. Т. Аксаков, с. 9.

виноватого, работающего от ленивого, совершенное знание крестьянских нужд и всегда готовую помощь" (1, 136-137).

В дневнике дочери писателя, Веры Сергеевны, рассказывается, как Тургенев "жалел, что Куролесов не был наказан Степаном Михайловичем примерным образом".¹⁴ Эта запись показывает различие художественного подхода Аксакова и Тургенева к своим героям. Вполне возможно, что Тургенев сделал бы из Куролесова фигуру, заслужившую одного лишь порицания, сосредоточил бы внимание на его жестокости и лишил бы благодарственной памяти крестьян.

Аксаков создал образ помещика, который по сложности превосходит другие образы помещиков в литературе XIX в. В Куролесове отразились определенные черты, которые объясняют национальный характер. Об этом писал А. Григорьев: "А эти типы последних времен нашей литературы, бросившие неожиданно и внезапно свет на наши исторические типы, — этот Куролесов, например, из "Семейной хроники", многими чертами своими лучше теорий гг. Соловьева и Кавелина разъясняющий нам фигуру Грозного Ивана...".¹⁵

На страницах произведений Аксакова мы встречаем множество персонажей — преподавателей лица и университета в Казани, чиновников в Уфе, военных, университетских товарищей Аксакова. Среди них один из наиболее привлекательных в русской литературе образ соученика Аксакова, Петра Балясникова, который кратко упомянут в "Воспоминаниях" (1855) и довольно подробно в очерке "Встреча с маргиналистами" (1858). Его военная карьера была блистательна, но он умер молодым. Балясников был человеком огромной силы воли и необыкновенного влияния на людей. Все, знавшие Балясникова, "и статские и военные, все единогласно говорили, что будь Балясников жив, он был бы фельдмаршалом" (2, 256).

Еще в университете Аксаков стал свидетелем его необыкновенной моральной силы, когда студент П-в был сильно заподозрен, но не уличен в поступке весьма неблагоприятном; он упорно заперся, но перед Балясниковым не смог не сознаться. "Он сам после говорил, что дал клятву себе не признаваться, что он не понимает, какая неведомая сила заставила его признаться" (2, 238).

¹⁴ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, СПб. 1913, с. 45.

¹⁵ А. Григорьев, Эстетика и критика, с. 225.

Перед ним спасовал сам Аракчеев, к которому решил обратиться раненный в сражении Балясников. Не желая дожидаться в приемной, он настоял на немедленном приеме, и Аракчеев, несмотря на охватившую его злость, был вынужден удовлетворить все просьбы офицера. Присутствовавший при этом товарищ Аксакова восклицает: "Ну, брат, это было какое-то волшебство, какое-то чудо! Балясников — колдун! Велика важность, что есть люди, которые заговаривают ядовитых змей. Нет, поди-ка заговори Аракчеева! Ведь он страшнее всякого зверя!" (2, 237)

Балясников лицо историческое, он появляется в очерке, который носит чисто мемуарный характер. Казалось бы, нельзя сравнивать его с обобщенными образами художественной фантазии других писателей. Все образы, литературно воссозданные Аксаковым, имели реальных прототипов. Однако очевидно, что писатель избирает то или иное лицо для описания в своих мемуарах; он не может описывать всех без исключения людей, с которыми его сводила судьба. Выбор определенного персонажа — дело конструирования художественного мира, в котором проявляется его мировоззрение. В этом отношении герои Аксакова не отличаются от героев романов. Более того, неправильно видеть в творениях Аксакова лишь объективное воспроизведение реальности. О роли вымысла в его произведениях писал А. С. Хомяков: "Кажется, странно говорить о вымысле там, где пересказывается все действительно бывшее, но это только кажется. Происшествия, чувства, речи остаются в памяти только отрывками. Воспоминание воссоздает целое из этих отрывков и восполняет все недостающее, все оставшееся в пробелах. Тут невозможно определить точные границы истины и вымысла, вымысла до того невольного и часто бессознательного, что сам повествователь осомнился бы назвать его вымыслом".¹⁶

Мы останавливались до сих пор на образах людей деятельных и волевых, противостоящих образам "лишнего человека" или умиротворенного ленивца. Ни один из образов Аксакова не укладывается в типы, сложность и противоречивость их характеров сопротивляется всякой типизации. Кроме того, совокупность характеров дает картину сложности жизни, из которой невозможно выделить определенный тип. Сын старика Багрова — человек честный, но недалекий; он оказывается неплохим хозяином, но лишен энергии своего отца. Внук

¹⁶ А. С. Хомяков, О старом и новом, с. 412.

же Степана Михайловича был мальчиком трусливым. Кроме того, он был мамсенькиным сынком, так что разлука с матерью при поступлении в гимназию привела к серьезной нервной болезни. Детство Сережи, кстати, опровергает тезис Гончарова о воспитании. Гончаров в “Обломове” показывает, как неправильное воспитание ребенка, которого не выпускали из дому, лишая общения с природой, привело к формированию характера вялого, трусливого, не умеющего ничего предпринять в жизни. Аксаков же в “Детских годах Багрова-внука” описывает, как с раннего детства жизнь Сережи протекала в тесном общении с природой, он был страстным рыболовом, охотником, проводил больше времени вне дома, чем в своей комнате, страстно любил путешествовать. Согласно положениям Гончарова, следует ожидать от него проявления характера решительного и смелого. Но у Аксакова, как мы отметили, мальчик оказывается довольно трусливым.

Во второй половине “Семейной хроники” Аксаков описывает историю женитьбы Алексея Багрова. Эта часть наиболее близка к структуре романа, напоминая исходную ситуацию произведений Тургенева и Гончарова: отношения между волевой девушкой и довольно слабохарактерным молодым человеком.

Аксаков резюмирует несходство характеров будущих супругов: невеста была умна и красива, бойка, “по-тогдашнему образованная, чуть не ученая девица”, “с твердым, надменным, неуступчивым характером”. Жених — простенький, деревенский дворянчик, “совершенный невежда”, “интересы которого не простирались далее ловли перепелов на дудки и соколиной охоты”, “слабый, смиренный, безответный” (1, 165). Е. И. Анненкова интерпретирует историю любви Алексея к Софье в широком плане, видя в ней “движение от природы к культуре”, “чуть ли не болезненное тяготение человека, по духу патриархального, к женщине, олицетворяющей высоты и издержки культуры”.¹⁷

Несходство характеров бросилось сразу в глаза Степану Михайловичу Багрову, он “почувствовал все неравенство природы этих двух существ и крепко призадумался” (1, 235). Однако Алексей страстно любит свою избранницу, ради нее преодолевает все препятствия и, в конце концов, добивается своего, и это в противоположность типичной романной схеме Тургенева и Гончарова, где молодой человек не в состоянии ответить на любовь девушки.

¹⁷ Е. И. Анненкова, Аксаковы, с. 24.

Невеста Алексея, Софья Николавна Зубина, обладала большим жизненным опытом. Она в двенадцать лет лишилась матери, помогала отцу вести хозяйство и воспитывать двух малолетних сыновей. Вторая жена Зубина возненавидела падчерицу и чуть было не довела ее до самоубийства. Вскоре мачеха умерла в родах, моля на смертном одре прощения у Софьи Николавны. Отца разбил нервический паралич, и Софья стала хозяйкой в доме, воспитывая своих братьев и сама учась с ними. Она познакомилась по переписке, в частности, с Н. И. Павликовым, который присылал ей все, что было замечательного в русской литературе. Отметим, что Гончаров объясняет независимый характер Ольги Ильинской тем, что она росла без родителей, воспитывалась у весьма равнодушной тетки, хотя ни о каких жизненных испытаниях нет и речи.

Жениха своего своего Софья не любила и согласилась выйти за него замуж, потому что сама была небогата, у нее не было даже дальних родственников, у которых она могла бы жить после смерти отца. Ясно видя все недостатки Алексея, она согласилась выйти за него замуж. Почему? "Поневоле должно признать, что в основании ее характера уже лежали семена властолюбия и что в настоящее время, освобожденные из-под тяжкого гнета жестокой мачехи, они дали сильные ростки, что без ведома самой Софьи Николавны — любовь к власти была тайною причиною ее решимости. (...) Мысль воспитать по-своему, образовать добродушного молодого человека, скромного, чистосердечного, неспорченного светом — забралась в умную, но все-таки женскую голову Софьи Николавны. Ей представилась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, у которого не было недостатка ни в уме, ни в чувствах, погруженных в непробудный сон, который будет еще более любить ее, если это возможно, в благодарность за свое образование" (I, 167).

Весь этот отрывок заставляет вспомнить героиню романа Гончарова, Ольгу Ильинскую. Совпадения поразительны. "У ней, в умненькой, хорошенькой головке, развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда, да не только спать, — она не позволит ему даже прилечь на диване днем: возьмет с него слово. Она мечтала, как "прикажет" ему прочесть книги, которые оставил Штольц, потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать в деревню письма, дописывать план устройства имения,

приготовиться ехать за границу (...) Он будет жить, действовать, благословлять жизнь и ее".¹⁸ И далее: "Она мигом взвесила свою власть над ним, и ей правилась эта роль путеводной звезды, луча света, который она разольет над стоячим озером и отразится в нем. Она разнообразно торжествовала свое первенство в этом поединке".¹⁹

В дальнейшем судьбы обеих героинь развиваются по-разному. Аксаков не хотел особенно останавливаться на взаимоотношениях своих родителей, поэтому о супружеской жизни молодых Багровых он предпочел подробно не рассказывать. Тем не менее, из произведений его видно, что отношения между ними были сложными. Их супружеская жизнь не окончилась катастрофой, но она и не привела к осуществлению честолюбивых планов Софьи Николавны. Алексей остался самим собой, хотя и преодолел свою робость. Аксаков пишет о жизни Багровых в Уфе: "Алексея Степановича и прежде все знали, но издали, а теперь люди, близкие с Софьей Николавной, сблизилась с ним, полюбили его, и он очень хорошо улаживался в своем новом положении, то есть в избранном обществе Софьи Николавны" (1, 242). Сын же Алексея, Сережа, был свидетелем того, как отец его проявил твердость характера и настоял на своем: "Тут я почувствовал всю цену твердости добродушного моего отца, с которою не могла сладить богатая тетка, отдавшая ему все свое миллионное имение и привыкшая, чтоб каждое ее желание исполнялось" (1, 487).

Признаки "взаимного непонимания" между супругами начались рано (1, 196). Прежде всего Софья Николавна была совершенной горожанкой, не любила природу и деревню, и здесь резко обозначилось ее расхождение в интересах с мужем. В первый визит в Багрово Алексей был неприятно изумлен, что Софья Николавна не восхитилась ни рощей, ни островом, даже мало обратила на них внимания" (1, 195). Впоследствии так же неприятно ее нелюбовь к природе, равнодушие к ужению и охоте действовали на ее сына. Софья Николавна не только не любила подобных занятий, но не скрывала своего холодного, пренебрежительного отношения к ним (1, 310).

Отношение Софии Николаевны к увлечениям мужа было не только равнодушным. Ее эгоизм мешал ей понять, как мог Алексей вместо того, чтобы проводить время с нею, заниматься рыбной ловлей. Она не

¹⁸ Н. А. Гончаров, *Обломов*, Ленинград, Наука, 1987, с. 161.

¹⁹ Там же, с. 182.

могла понять, как он мог любить “свое сырое Багрово, его кочковатые рощи, навозную плотину и загнившие воды”; и привязанность мужа к своим родным местам ее почти оскорбляла (1, 212-213). Взаимное непонимание супругов становилось со временем все более явным, несмотря на то, что во время тяжелых испытаний Софья Николаевна видела проявления искренней любви мужа. В конце концов ее “упреки стали надоедать мужу, а горячих вспышек он стал бояться; страх сейчас исключил полную искренность, а потеря искренности в супружестве, особенно в лице второстепенном, всегда несколько зависящем от главного лица, ведет прямою дорогою к нарушению семейного счастья” (1, 266).

Несколько раз писатель говорит о причинах этого положения, — Софья Николаевна мужа своего не уважала, а стремилась только властвовать над ним. Так, в отрывке, касающемся подготовки к свадьбе, Аксаков пишет: “Тяжел был первый шаг к неуважению будущего своего супруга и к осуществлению мысли повелевать им по произволу...” (1, 175). Перед самым венчанием Софью Николаевну охватили сомнения, оказавшиеся пророческими.

Тут снова представилась ей вся трудность взятого на себя подвига: перевоспитание, пересоздание уже двадцатисемилетнего человека. Целая жизнь, долгая жизнь с мужем-перовней, которого она при всей любви не может вполне уважать, беспрестанные столкновения совсем различных понятий, противоположных свойств, наконец частое непонимание друг друга... и сомнение в успехе, сомнение в собственных силах, в спокойной твердости, столько чуждой ее праву, впервые представилось ей в своей паразитической истине... (1, 185-186).

Несмотря на нежелание обнажать перед читателем драматические отношения своих родителей, Аксаков не отступил перед задачей дать правдивую картину семейной жизни своих героев, — то, от чего отказались и Тургенев, и Гончаров. В конце романа Ольга вынуждена признать, что “она слишком понадеялась на свои силы”, что Обломов никогда не будет для нее тем, что ей нужно, и что она любила в Обломове то что она хотела, чтоб было в нем.²⁰ Она поспешила разорвать отношения, таким образом Гончаров избавил себя от трудной задачи изобразить последствия воспитания Обломова. Невозможно

²⁰ Там же, с. 287-289.

отрицать, что та недостижимая для Обломова идиллическая жизнь, которой наслаждаются Ольга и Штольц, напоминает карикатуру. Во всяком случае, эта картина дает возможность понимать характер Ольги в том смысле в каком его понимал А. Григорьев: "Ольга, из которой под старость если она точно такова, какою, вопреки многим грациозным сторонам ее натуры, показывает нам автор, выйдет претовратительная барыня с вечною и бесцельною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающего, одна из жертв Бог знает чего. Я почти уверен, что она будет умирать, как барыня в "Трех смертях" Толстого..."²¹

Иппокентий Анненский сравнивает Ольгу с героинями Тургенева. "Ольга — это одна из русских миссионерок. Долгое рабство русских заключниц, материнство с болезнями, но без радости и в виде единственного утешения церковь — вот на какой почве выросли русские Елены, Лизы, Марианны: их девиз - пострадать, послужить, пожертвовать собой!.. Ольга миссионерка умеренная, уравновешенная. В ней не желание пострадать, а чувство долга. Но Ольга — девушка с большим запасом здравого смысла, самостоятельности и воли, главное. Обломов первый, конечно, понимает химеричность их романа, но она первая его разрывает".²²

Аксаков изображает более жизненную ситуацию. В Софье Николаевне нет незаинтересованного миссионерства (есть ли оно в героинях Тургенева и Гончарова?), здесь вполне понятное желание молодой женщины подчинить своей воле любящего ее человека и вся недостижимость этого стремления.

Образ Софьи Николаевны входит в длинный ряд женских образов русской литературы — такие же покоряющие читателя индивидуальные качества, такое же стремление быть полезной, перевоспитать своего избранника. Невозможно не отметить, что Аксаков был гораздо точнее и прозорливее своих современников. Он показал, к чему в действительности ведет попытка перевоспитать взрослого человека. Если Тургенев и Гончаров идеализировали своих героинь, то Аксаков в анализе характера Софьи Николаевны более точен и беспристрастен.

Было бы ошибкой относиться к Аксакову только как к мемуаристу, описывающему патриархальную жизнь в провинциальной глуши.

²¹ А. Григорьев, Искусство и нравственность, с. 200.

²² И. Анненский, Книжки отражений, Москва, Наука, 1979, с. 270-271.

Характеры и положения в его произведениях часто представляют собой параллель к персонажам и ситуациям современных ему писателей. Но Аксаков занимает позицию, противоположную позиции Тургенева и Гончарова, которые сосредоточили интерес на анализ героя, не способного к практической деятельности, отступающего перед новыми веяниями, эмоционально бедного, не способного к жизни. Аксаков же описывает людей волевых и энергичных. Даже слабохарактерный Алексей Багров способен преодолеть все препятствия, отделяющие его от избранницы, покорить ее сердце и противостоять сопротивлению родителей. Старик Багров и Куролесов могли бы стать типичными фигурами помещиков-крепостников, но и в этом случае писатель отмечает такие стороны их характеров, которые избавляют портреты от схематизма. Кроме того, было бы несправедливо объяснять жестокость Куролесова одним лишь крепостничеством; именно к своим крестьянам Куролесов был наименее жесток. В целом жизнь, которую изобразил Аксаков, в своих основах не нуждалась в изменении по западному образцу. Далская от совершенства, она обладала самостоятельной ценностью, собственным своеобразием. И Аксаков видел в этой жизни различные характеры, изображение которых складывается в картину сложного и динамичного общества.

